

дьявол в нем действовали таким образом, что двигали органами этих животных так, что у них получался членораздельный голос, наподобие настоящей речи; у самой же ослицы не получилось бы ничего, кроме рева, и ничего, кроме свиста, у самого змия. Если же кто-нибудь доказывал бы обратное, ссылаясь на слова Овидия в пятой книге «Метаморфоз» о говорящих сороках, мы заметим, что это выражено иносказательно, а подразумевается другое. И если скажут, что и досель сороки и другие птицы разговаривают, мы скажем, что это вздор, так как подобное действие не речь, а некое подражание звуку нашего голоса; они, разумеется, пытаются подражать нам, поскольку мы издаем звуки, но не поскольку мы говорим. Поэтому, если в ответ на отчетливо сказанное слово «сорока» прозвучало бы «сорока», это было бы лишь воспроизведением или подражанием ранее произнесенному звуку. Таким образом, очевидно, что речью был одарен только человек. А почему это было ему необходимо, мы вкратце постараемся разъяснить.

III.

Итак, раз человек движим не природным чутьем, но разумом, а сам разум либо по суждению, либо по выбору различен у отдельных людей до такой степени, что почти каждый человек, видимо, радуется этой своей особенности, мы полагаем, что никто не понимает другого по своим собственным действиям или страстям, подобно бессловесному животному. Но и по духовному созерцанию людям не удается постигать друг друга, подобно ангелам, так как душа человеческая объята грубой и темной оболочкой смертного тела. Следовательно, роду человеческому для взаимной передачи мыслей надобно обладать каким-либо разумным и чувственным знаком; потому что для восприятия от разума и для передачи разуму знак должен быть разумным; а так как ничто не может быть передано от разума к разуму иначе чем чувственным средством знак должен быть чувственным. Таким образом, если бы он был только разумным, он не мог бы проникать, а если бы только чувственным, его невозможно было бы воспринять разумом ни в разум вложить. Вот этот-то знак и есть тот самый разумный предмет, о котором у нас идет речь: он чувственный, поскольку он звук, но и разумный, поскольку, очевидно, обозначает то, что нам угодно.

IV.

Речь, как явствует из вышесказанного, дана была только человеку. Теперь же я считаю необходимым исследовать, какой человек получил дар речи и что он прежде всего сказал, и кому, и где, и когда, а также и то, какой язык является изначальным. И вот, согласно тому, что сказано в начале Бытия, где Священное писание повествует о начале мироздания, оказывается, что раньше всех заговорила женщина, а именно предрозостная Ева, отвечая любопытствующему дьяволу: «Плоды с деревьев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть». Но хотя, согласно Писанию, оказывается, что прежде заговорила женщина, нам, однако, разумнее веровать, что прежде заговорил человек; и несообразно полагать, что столь замечательное действие рода человеческого проистекло раньше не от мужа, но от жены. Итак, на основе разума мы веруем, что речь сначала была дарована Адаму, тотчас по воплощении его Творцом. А относительно того, какое слово прежде всего произнес первый заговоривший, я не колеблясь скажу, что это слово значило Бог, то есть Эль, либо в виде вопроса, либо в виде ответа. Нелепо и явно противно разуму полагать, что человеком было названо что-либо раньше, чем Бог, потому что Им и по Его образу и подобию был сотворен человек. Ибо, как после грехопадения рода человеческого речь каждого человека стала начинаться с «увы», так, разумеется, появившийся до этого начал с радости; а так как никакой радости нет вне Бога, то вся она в Боге и Сам Бог есть всецело радость; из этого следует, что первый заговоривший сперва и прежде всего сказал «Бог». Отсюда, раз выше мы говорим, что первый человек начал свою речь с ответа, возникает и такой вопрос: был ли это ответ Богу; ибо если Богу, то Он, очевидно, оказался бы говорившим, что, видимо, противоречит высказанному выше. На это, однако, мы говорим, что вполне возможно было ответить на вопрос Бога и не следует из этого, что Бог говорил посредством того, что мы называем речью. Ибо кто же сомнева-